

УДК 82.09(470.621)

UDC 82.09(470.621)

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИХ ОБРАБОТКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАН-ГИРЕЯ

SOURCES AND METHODS OF THEIR PROCESSING IN THE WORKS OF KHAN-GIREY

Кошокова Саньят Январбиевна
к.ист.н., старший преподаватель кафедры истории и политологии
SPIN-код:4237-6417
e-mail: sumerki7@yandex.ru
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», г. Краснодар, Россия

Koshokova Saniyat Yanvarbiyevna
Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the Department of history and political sciences
RSCI SPIN-code:4237-6417
e-mail: sumerki7@yandex.ru
Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education "Kuban State Agricultural University", Krasnodar, Russia

Статья посвящена источниковой базе произведений Хан-Гирея. Выделяется два типа источников, использованных Хан-Гиреем: исторические и историографические. В свою очередь, исторические условно подразделяются на письменные, вещественные и источники устного происхождения. Рассматривается отношение Хан-Гирея к проблеме достоверности источников, ответственности авторов за приводимые сведения. Делается вывод, что в трудах Хан-Гирея устные источники являются преобладающими, все остальные, в том числе историографические, выступают как вспомогательные. При этом подчеркивается, что в данный период только устные источники, происходили из адыгской среды, все остальные были свидетельствами других культур. Выявлено отношение Хан-Гирея к фольклору как историческому источнику и методы работы с ним. Определены остальные виды устных источников, такие как собственные знания и воспоминания Хан-Гирея и свидетельства очевидцев. Проведен анализ методов работы Хан-Гирея с историографическими источниками. В конце статьи сделан вывод, что источниковая база произведений Хан-Гирея по объективным причинам носит ограниченный характер, хотя традиция использования большинства источников, привлеченных им, утвердилась в историографии

The article is devoted to source base of Khan-Girey works. Two types of the sources used by Khan-Girey are allocated: historical and historiographic. In its turn, historical sources are conditionally subdivided in written, material and sources of the oral origin. The relation of Khan-Girey to the problem of reliability of sources, the responsibility of authors on the provided data are considered. It is concluded, that in the works of Khan-Girey oral sources are predominant, all others, including historiographical, act as subsidiaries. It is emphasized, that in this period there were only oral sources, came from the Adyghe environment, all the others were the evidences of other cultures. The relation of Khan-Girey to folklore as to a historical source is revealed. We have identified other types of oral sources, such as personal knowledge and Khan-Girey memories, and eyewitness evidences. The analysis of the working methods of Khan-Girey with historiographical sources is carried out. At the end of the article, the conclusion is made that the source base of Khan-Girey works, for objective reasons, is limited, although the use of most sources, found by him, were confirmed in historiography

Ключевые слова: ИСТОЧНИКИ, ФОЛЬКЛОР, УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ, АДЫГИ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

Keywords: SOURCES, FOLKLORE, ORAL SOURCES, HISTORIOGRAPHIC SOURCES, METHODS, ADYGHE, THE NORTH-WESTERN CAUCASUS

Doi: 10.21515/1990-4665-121-058

Полнота и достоверность исторических источников могут значительно повлиять на создаваемую исследователем картину прошлого. В современной научной литературе под историческим источником

понимают любое явление, которое может быть использовано для целей исторического исследования [20. С.35]. Исходя из существующей типовой классификации, в работах Хан-Гирея можно выделить два типа источников: исторические и историографические. Комплекс исторических источников можно условно подразделить на письменные, вещественные и источники устного происхождения.

Каждый вид исторических источников имеет свои специфические черты, но общим, объединяющим для них, является то, что они продукты деятельности человека. По этому признаку источники могут отражать прошлое непосредственно или опосредованно [16.С.31]. Так, вещественные источники отражают материальный мир, не преломляясь через сознание человека, вербальные же источники, к которым относятся письменные и устные, проходят через сознание человека и несут в себе субъективные элементы. Работа с этой категорией источников требует освоения определенных навыков.

Источниковая база исследования может зависеть как от степени доступности источников, так и от сознательного выбора автора, который может свидетельствовать о его отношении к тем или другим категориям источников. Выявление источниковой базы для трудов периода, в который еще не закрепились традиции обязательных ссылок, занятие достаточно сложное и кропотливое, но необходимое.

При источниковедческом анализе работ Хан-Гирея важно учитывать такую характеристику источника как достоверность, под которой подразумевается необходимая и достаточная степень соответствия между явлением и его отображением в источнике [20.С.43]. Хан-Гирей осознавал значение этого фактора. Он не раз указывал, что сомневается в достоверности приводимых сведений: «Однако ж сведения эти нельзя выдавать за достоверные...» или «... лица, которые сообщали мне эти сведения, во многом между собой противоречили...» [15. С.83,65]. Более

того, указав на неточности некоторых данных, сообщаемых предшественниками, он ставит вопрос об ответственности автора за достоверность сведений: «...невнимательность... со стороны писателя непростительна, ибо и малейшая... ошибка дает ложные мнения и понятия о целых народах многочисленным народам» [15. С.251]. Сам факт того, что исследователь ставит вопрос о достоверности, говорит о значимости для него этого фактора.

В трудах Хан-Гирея устные источники являются преобладающими, все остальные, в том числе историографические, выступают как вспомогательные. Это объясняется отсутствием достаточного количества других видов источников: вещественных, письменных и историографических. По характеру источников информации различаются устная традиция и устная история. Первая, основывается на описаниях людей и событий прошлого, передающиеся из уст в уста от поколения к поколению и являющихся коллективным достоянием членов этого общества, т.е. фольклор; вторая - на устных воспоминаниях людей, излагаемых ими в ходе интервью [10. С.261, 265]. Таким образом, к устным источникам относится фольклора, а так же информация очевидцев, в том числе и самого автора, о событиях, людях, местностях и нравах.

Все историки, вплоть до XVIII в. включительно, считали необходимым сбор устных свидетельств очевидцев событий и включение их в свои сочинения [9. С.41]. В XIX в. Европа фактически открывает для себя фольклор, активно используемый в художественной литературе и романтической историографии, но в связи с увеличением количества письменных источников и разработкой методов их анализа, устные источники стали терять свое значение. Хотя, следует оговориться, использование их не прекращалось никогда. Всплеск интереса к устным источникам проявился во второй половине XX в., когда появились школы и направления, призванные собирать свидетельства очевидцев недавнего

прошлого и сохранившийся фольклор, народов Африки и Азии. Особенную актуальность этот вид источников приобретает для обществ, не имеющих письменности. Во многих таких обществах этническая идентичность, социальный статус, притязания на политическую власть и земельное право до сих пор определяются на основе устной традиции, сохраняющейся благодаря памяти ныне живущих его членов [10. С. 275].

Хан-Гирей неоднозначно относится к фольклору как историческому источнику. Неоднократно в «Записках о Черкесии» он высказывается на эту тему. Он подходит к фольклору очень осторожно, не раз подчеркивает его «баснословие». Но было бы ошибочно предполагать, что отношение Хан-Гирея к фольклору столь поверхностно. Отмечая его главные недостатки – отсутствие летоисчисления и выраженную мифологизацию – он в тоже время не отрицает, что фольклор содержит «в себе драгоценные для любопытства потомков события, современные их предкам, и черты характера людей минувших веков» [15. С. 112]. Можно сказать, что Хан-Гирей обозначил два основных элемента содержания фольклорных произведений – это факт (какое-то событие) и ментальность эпохи.

Как известно, использование источников этой категории методологически является достаточно сложным и требует определенной квалификации от исследователя. Достижение наибольшего результата возможно при совокупном сочетании устных источников с другими категориями источников. Описывая исторические факты, Хан-Гирей прибегает к данным фольклора только в том случае, если не было возможности получить информацию из другого источника, или если данные фольклора можно проверить. Упоминая сказания о нартах, автор «Записок о Черкесии» склонен верить в то, что это «воинственное рыцарское сообщество» существовало, так как у фольклорных источников есть подтверждение: «название кавказских кислых вод, около Пятигорска

нартсан (вино нартов); река за Кубанью Нарт-пс-хо (река нартов) и многие другие наименования», кроме этого «на местах, где по указанию народных преданий, жили нарты и где тела их погребены, находят в земле оружия, отличающиеся своею огромностью» [15. С. 223].

В другом случае Хан-Гирей проверяет данные кабардинского фольклора, сопоставляя их со сведениями историографического источника, в качестве которого им была привлечена «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Так как сведения Н.М. Карамзина совпадают с данными фольклора, Хан-Гирей делает вывод: «Следовательно и предания кабардинцев относительно царства Астраханского справедливы, и народные песни содержат истины весьма важные» [15.С.228]. Автор «Записок» для выяснения истинности фольклора сопоставляет его с материалами топонимики и с историографическими источниками, т.е. он понимает возможность использования фольклора как исторического источника, но с должным критическим подходом и в совокупности с другими видами источников.

Одним из главных недостатков устных источников является их субъективность. Воспоминания человека, прошедшие через его сознание, отражают его субъективное видение событий, не обязательно совпадающее с видением других или с реальностью. Точно так же фольклор со временем трансформируется в соответствии с нуждами общества, которое он обслуживает. В то же время субъективность может быть достоинством устных источников, предоставляя широкое поле для исследований в области формирования и трансформации исторического сознания, а также ментальности народа.

Именно последний аспект в содержании фольклора внушает Хан-Гирею большее доверие. Для отображения «главных черт характера народа» он отводит целую главу, в которую помещает четыре «анекдота» фольклорного происхождения. Под термином «анекдот» Хан-Гирей,

естественно, подразумевал не современное значение юмористического рассказа, а получившие широкое распространение в XVIII и первой половине XIX вв. короткие повествования об историческом лице, происшествии, чаще всего с элементом поучительности [19. С. 103]. Он поместил в конце своего труда рассказы, наиболее ярко демонстрирующие те качества, которые превозносились в адыгской среде: свободолюбие, гордость, храбрость, гостеприимство, любовь к славе. В этом случае вполне справедливо мнение, что «чаще всего фольклорные ингредиенты используются в целях ознакомления инонационального читателя с миропониманием, историей, культурой, бытом, нравами и обычаями адыгов» [17. С.16]. Хан-Гирей осознавал, что, благодаря этим «анекдотам», есть возможность реконструировать ментальность народа.

Еще одним важным источником для Хан-Гирея являются собственные знания и воспоминания. Учитывая, что объектом его исследования было общество, к которому он принадлежал, у него не было проблемы «вживания» в среду, значительный пласт информации был впитан им еще с детства. В жизни любого человека есть определенное «поле знаний», воспринимаемое им в процессе социализации. Личный опыт и знания пригодились Хан-Гирею не только в изложении бытовых реалий, но и в воспроизведении конкретных моментов истории. Одним из ярких примеров является описание взятия Анапы в 1828 г., в котором он принимал личное участие [15. С. 56]. Можно сказать, что для Хан-Гирея собственные знания - это основной источник, особенно в этнографической части.

Кроме этого, Хан-Гирей активно использовал сведения, полученные от очевидцев «методом расспрашивания», о чем есть неоднократные упоминания в его текстах. Этот метод, один из наиболее древних, использовался еще Геродотом и не потерял актуальности до наших дней, особенно, учитывая возросший интерес к устной истории [18.

С. 33]. Естественно, анкетами и вопросниками Хан-Гирей не пользовался, опросы проводил в форме непринужденных бесед, возможно даже не всегда ставя перед собой цель получения информации какого-то определенного характера, а просто в ходе общения затрагивая, те или иные вопросы из любознательности. Один из примеров целенаправленного сбора материала по конкретной проблеме есть в «Записках о Черкесии»: «Ни досуг, ни обстоятельства не позволили мне во время нахождения моего на Кавказе собирать подробнейшие сведения о населенности Черкесии таким образом, как это должно бы было делать по всей строгости отчетливого собирателя статистических сведений о крае малоизвестном» [15. С. 84]. Хотя он указывает, что не доволен методами сбора материала, важен сам факт того, что такой целенаправленный сбор имел место, т.е. Хан-Гирей, по возможности, занимался сбором полевого материала.

В те периоды, когда Хан-Гирей находился вне пределов Кавказа, информацию ему могли предоставлять земляки, по тем или иным причинам находящиеся в столице. В первую очередь, это были его сослуживцы по Кавказско-горскому полуэскадрону. Состав полуэскадрона постоянно обновлялся, поэтому Хан-Гирей имел возможность увеличивать количество информаторов и расширять свои сведения [3. С. 30]. Кроме этого, Хан-Гирей был знаком с двумя выдающимися адыгами, Бесльней Абатом и князем Пшьским Аходягоко, ставшими главными героями «Биографических очерков» и информаторами автора [12; 14]. Сведения, полученные от земляков, Хан-Гирей сопоставлял, выявлял противоречия и иногда сравнивал с данными, опубликованными в литературе [3. С.31]. «Сведения же, в следующей таблице предлагаемые, - подчеркивает автор, - собранные мною наскоро, по разным показаниям, - неудовлетворительны; лица, которые сообщали мне эти сведения, во многом между собой противоречили...» [15. С.65]. Подобное критическое отношение к устным источникам Хан-Гирей проявляет постоянно.

Кроме этого, иногда он использует топографические источники: в доказательство пребывания на территории адыгов нартов он приводит название кавказских кислых вод около Пятигорска – нартсан (вино Нартов) и название реки за Кубанью - нарт-пс-хо (река нартов) [15. С.223]. Но в общем, обращается к этому виду источников редко. Хан-Гирей целую главу посвящает сохранившимся у адыгов достопримечательностям, куда он включает данные о гробницах, развалинах старинного города Татар-Тула, древнего укрепления, каменных памятниках и различных вещах, обнаруживаемых при разрушении берегов рек и раскапывании возвышений [15. С.63-65].

Ко второму типу источников можно отнести значительную группу историографических источников, привлекаемую Хан-Гиреем.

Как известно, в XIX в. произошел «прорыв» русской исторической науки. Это проявлялось во многих аспектах: усиление интереса к истории в обществе, появление профессиональных историков, увеличение количества исторических работ, развитие сети архивов, появление научных журналов и различных исторических обществ. Самым значимым явлением русской исторической науки первой половины XIX в. стало творчество Н.М. Карамзина.

Хан-Гирей, опираясь, в первую очередь, на русскую историографическую школу, не избежал его влияния. В тексте «Записок о Черкесии» имеется три ссылки на Н.М. Карамзина, две из них в примечаниях [15. С.87, 223, 228]. Одна из выдержек из «Истории государства Российского» приводится Хан-Гиреем для сравнения правовых отношений у разных народов, другая - для подтверждения данных кабардинского предания. Не ограничиваясь указанием источника, он обозначает том и страницу, а также в первом случае называет номер примечания. Анализ текстов показал, что цитаты, приведенные Хан-Гиреем, соответствуют тексту Н.М. Карамзина, но, указывая номер

примечания - 169, адыгский историк допустил неточность, в оригинале это 174-е примечание [6. С. 74].

Русская историографическая школа была полезна и необходима адыгскому историку не только работой такого масштаба и уровня как «История государства Российского» Н.М. Карамзина, но и региональными исследованиями. В первой половине XIX в. складывалась научная историография Северного Кавказа, мимо которой Хан-Гирей пройти не мог.

Для Хан-Гирея значимым историографическим источником стала работа С. Броневского. Еще один из первых биографов Хан-Гирея обратил внимание на заимствования у него из труда С. Броневского в географическом обзоре, причем заимствования «в должных случаях весьма критические» [7. С. 199]. Действительно, Хан-Гирей использует текст С. Броневского, но при необходимости сокращает его или наоборот дополняет новыми сведениями. Знаменательно, что в большинстве случаев Хан-Гирей дает собственную транскрипцию топографических названий, пытаясь приблизить ее к языку оригинала. Так у С. Броневского река Кума, по черкески обозначается «Кум-иш», у Хан-Гирея черкесский вариант звучит «Кумшсхо» [2. С. 25; 15. С. 52], река Белая у С. Броневского «Шаг-Вашу» или «Шад-Гиша», у Хан-Гирея – «Шххакоаше» [2. С. 33; 15. С. 54]. В некоторых случаях наблюдаются различия в орфографии и пунктуации. Иногда Хан-Гирей подвергает оригинал незначительной стилистической обработке, существенно не меняя смысла. Изменения в орфографии, пунктуации и стилистике следует отнести на счет людей, помогавших Хан-Гирею в исправлении рукописи. Представляется, что данные заимствования, обусловлены стремление автора несколько облегчить процесс написания, используя, то, что ему казалось верным с необходимыми дополнениями.

Помимо географического обзора глава третья «Записок о Черкесии» «Взгляд на общую историю» фактически полностью состоит из фрагментов текста С. Броневского. При изучении кавказоведческой литературы XVIII – XIX вв. обнаружилось, что текст заимствованный Хан-Гиреем у С. Броневского в главе «Взгляд на общую историю» практически дословно совпадает с гл. V «Кубань» книги Тунманна «Крымское ханство» [11]. У С. Броневского есть некоторые неточности в переводе, некоторые сюжеты немного расширены, но в общем нет сомнений, что это один и тот же текст. Учитывая, что Тунманн на Кавказе никогда не был и свои данные черпал из литературных источников, можно предположить, что Тунманн и С. Броневский пользовались одним и тем же источником; либо, что С. Броневский пользовался непосредственно произведением Тунманна. Работа Тунманна была впервые опубликована в Лейпциге в 1784 г., он так же является автором описания крымского ханства в «Большом землеописании Бюшинга», вполне вероятно, что С. Броневский был знаком с этим трудом. Поиск возможного источника Тунманна пока никаких результатов не дал.

Так же исторические данные в главе «Владения кабардинские» заимствованы Хан-Гиреем у С. Броневского и у И. Дебу. В данном случае, Хан-Гирей использует распространенный прием сопоставления и модификации источников. Если в географическом описании в большинстве случаев текст С. Броневского использовался как «каркас», к которому Хан-Гирей добавлял много своего, то в названных исторических описаниях ничего нового им внесено не было. Многочисленные цитаты из работы С. Броневского часто носят вольный характер. Так, В.К. Гарданов и Г.Х. Мамбетов, готовившие текст «Записок» к изданию, в подстрочниках неоднократно указывали на неточность воспроизведения текста [3]. Кроме главы «Владения кабардинские» сведения И. Дебу Хан-Гирей также использует в главе «Колена, обитающие между черкесами».

В «Записках о Черкесии» есть три ссылки на И.А. Гильденштедта [4]. Две фактологического характера и одна, в которой Хан-Гирей пытается провести сопоставительный анализ данных И.А. Гильденштедта и С. Броневского [15. С. 57, 67, 215]. Создается впечатление, что Хан-Гирей апеллирует непосредственно к труду цитируемого автора, но достоверно утверждать, что Хан-Гирей был знаком с работой И.А. Гильденштедта не представляется возможным, так как при изучении текста С. Броневского обнаружилось, что именно эти ссылки содержатся у него в тексте. Можно сделать вывод, что, ссылаясь на И.А. Гильденштедта, Хан-Гирей пользовался сведениями, заимствованными в тексте С. Броневского [2. С. 20, 68, 111-112].

Но было бы неверным утверждать, что Хан-Гирей слепо шел «на поводу» у С. Броневского. В его работе есть попытки критического анализа. Если в одних главах он полностью полагается на данные С. Броневского, то в других опровергает некоторые его сведения, подвергает их критике. Так, высказывание С. Броневского о девичьих корсетах вызвало резкое возмущение Хан-Гирея своей неточностью [15. С. 251]. Причем на примере наиболее цитируемого им автора он указывает на то, что многие европейские писатели своими «неверными» сведениями вводят в заблуждение читателей. Подобную «невнимательность» он считает непростительной для просвещенных европейцев [15. С. 328].

Дважды Хан-Гирей апеллирует еще к одной обобщающей работе, автором которой является П. Зубов [5] и оба раза с критическими замечаниями и с призывом ответственнее подходить к изложению своих мыслей: «...незлонамеренный автор «Картин Кавказского края», если бы знал, что его сочинение заставит легковерных народов, в нем описанных, содрогнуться и на благотворные меры правительства смотреть недоверчиво, как на губительные сети, для него расставленные, тогда конечно не поместил бы те предположения...» [15. С. 338-339]. Таким

образом, он не раз ставит вопрос об ответственности авторов за достоверность информации и суждений.

Еще один автор, на которого ссылается Хан-Гирей С. Богуш-Сестренцевич и его «История Таврии» [1]. У него Хан-Гирей заимствует важные сведения о происхождении кабардинцев. Достоверность приводимых данных им не ставится под сомнения. В подтверждение версии С. Богуш-Сестренцевича автор «Записок» приводит информацию из книги С. Броневского и народного предания, а также использует данные топонимики, но тут же оговаривается: «... будем почитать, до новых разысканий и открытий по этому предмету, предков нынешних кабардинцев за колено козарское» [15. С. 152], то есть он понимает, что эти сведения не являются исчерпывающими в данном вопросе и будущие ученые должны внести дополнения.

При формировании структуры «Записок» автор в качестве образца использовал монографию А.И. Левшина, посвященную описанию киргиз-кайсацких орд [8]. Один из первых исследователей творчества Хан-Гирея М.О. Косвен, проведя сравнительно-структурный анализ, обратил внимание на этот факт, подчеркнув, что на содержание «Записок» это влияние не распространялось ввиду глубокого различия культур исследуемых народов [7. С. 200]. М.О. Косвен имел в виду, невозможность заимствовать у А.И. Левшина информацию фактологического характера. Влияние этого автора более глубокое: при анализе достаточно значимых процессов Хан-Гирей пытается сопоставить их с аналогичными процессами у казахов. В тексте «Записок» пять ссылок на работу о киргиз-кайсацких ордах и все они носят обобщающий, а не фактологический характер [15. С. 102, 105, 111, 224, 265].

Источниковедческий анализ показал, что Хан-Гиреем были привлечены как историографические, так и исторические источники. При этом основными являются источники устного происхождения, остальные

носят вспомогательный характер. Следует отметить, что источниковая база произведений Хан-Гирея, по объективным причинам, носит ограниченный характер. Важным является также тот факт, что традиция использования большинства источников, привлеченных Хан-Гиреем, утвердилась в историографии.

Литература.

1. Богуш-Сестренцевич С. История о Таврии. СПб., 1806.
2. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999.
3. Гарданов В.К., Мамбетов Г.Х Введение // Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 3-41.
4. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия г.академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб, 1809. IV, III.
5. Зубов П.А. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 2. Нальчик, 2001. С. 9-59.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 1. М., 1989.
7. Косвен М.О. Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей // Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 184-208.
8. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832.
9. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003.
10. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.
11. Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1990.
12. Хан-Гирей. Князь Пшъской Аходягоко // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1893. Вып. 17.
13. Хан-Гирей. Сераскир Мугаммед-Гирей // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1998. С. 32-34.
14. Хан-Гирей. Бесльний Абат // Кавказ. 1847. № 42-48.
15. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
16. Хлынина Т.П. Исторический источник как условие постановки и решения научной проблемы // Вопросы теории и методологии истории: Сб. научн. тр. Вып. 3. Майкоп, 2001. С. 30-37.
17. Шакова М.Ш. Фольклоризм адыгской литературы XIX века: автореф. дис... канд. филол. наук. Майкоп, 1996.
18. Шеуджен Э.А. Историография. История исторической науки. Майкоп, 1999.
19. Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 98-108.
20. Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 2-26.

References

1. Bogush-Sestrencevich S. Istorija o Tavrii. SPb., 1806.
2. Bronevskij S. Novejšie geograficheskie i istoricheskie izvestija o Kavkaze. Nal'chik, 1999.
3. Gardanov V.K., Mambetov G.H Vvedenie // Han-Girej. Zapiski o Cherkessii. Nal'chik, 1978. S. 3-41.
4. Gil'denshtedt I.A. Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza, iz puteshestvija g.akademika I.A. Gil'denshtedta cherez Rossiju i po Kavkazskim goram, v 1770, 71, 72 i 73 godah. SPb, 1809. IV, III.
5. Zubov P.A. Kartina Kavkazskogo kraja, prinadlezhashhego Rossii, i sopredel'nyh onomu zemel' v istoricheskom, statisticheskom, jetnograficheskom, finansovom i torgovom otnoshenijah // Russkie avtory XIX veka o narodah Central'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza. T. 2. Nal'chik, 2001. S. 9-59.
6. Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo v 12-ti tomah. T. 1. M., 1989.
7. Kosven M.O. Adygejskij istorik i jetnograf Han-Girej // Kosven M.O. Jetnografija i istorija Kavkaza. M., 1961. S. 184-208.
8. Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kajskikh ord i stepej. SPb., 1832.
9. Tompson P. Golos proshlogo. Ustnaja istorija. M., 2003.
10. Tosh D. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika. M., 2000.
11. Tunmann. Krymskoe hanstvo. Simferopol', 1990.
12. Han-Girej. Knjaz' Psh'skoj Ahodjagoko // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza. 1893. Vyp. 17.
13. Han-Girej. Seraskir Mugammed-Girej // Jetjudy po istorii i kul'ture adygov. Majkop, 1998. S. 32-34.
14. Han-Girej. Besl'nij Abat // Kavkaz. 1847. № 42-48.
15. Han-Girej. Zapiski o Cherkessii. Nal'chik, 1978.
16. Hlynina T.P. Istoricheskij istochnik kak uslovie postanovki i reshenija nauchnoj problemy // Voprosy teorii i metodologii istorii: Sb. nauchn. tr. Vyp. 3. Majkop, 2001. S. 30-37.
17. Shakova M.Sh. Fol'klorizm adygskoj literatury HIIH veka: avtoref. dis... kand. filol. nauk. Majkop, 1996.
18. Sheudzhen Je.A. Istoriografija. Istorija istoricheskoi nauki. Majkop, 1999.
19. Shmidt S.O. «Ustnaja istorija» v sisteme istochnikovedenija istoricheskikh znaniy // Shmidt S.O. Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniju i istoriografii. M., 1997. S. 98-108.
20. Shmidt S.O. Sovremennye problemy istochnikovedenija // Shmidt S.O. Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniju i istoriografii. M., 1997. S. 2-26.